

ЗНАЧИМОСТЬ И ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ ЗООНИМА СОРОКА В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Статтю присвячено аналізу зооніма СОРОКА у паремійних та інших фольклорних жанрах, а також явища прецедентності цієї номінації у літературних творах. Розглянуто основні якості та риси поведінки орнітоніма, що виконують мовотворчу функцію та є основою мовних ігор. Досліджено подібність конотацій в інших слов'янських та європейських мовах. Доведено, що зоонім СОРОКА відіграє значиму роль у фольклорних і літературних творах багатьох слов'янських народів.

Ключові слова: паремійні тексти, примовка, повір'я і прикмети, конотація, мовна гра, прецедентність.

Базовими репрезентантами русской языковой ментальности являются произведения устного народного творчества. В фольклоре в колоритных образах отражены различные стороны жизни народа, позволяющие соединить в живую цепь поколения людей в течение многих веков. Именно этим ценны для нас такие народные творения, которые передавались из уст в уста и стояли у истоков зарождения языка. Мировосприятие, представления об окружающем мире и его понимание, культурные традиции, глубинная народная мудрость и многое другое, что заложено в народных произведениях, представляет необычайную ценность для исследований в различных лингвистических сферах. **Целью** статьи является анализ зоонима СОРОКА в паремийных и других фольклорных жанрах, а также явления прецедентности вышеназванного терминознака в литературных произведениях. **Актуальность** состоит в необходимости восполнить недостаточность исследований в сфере выполнения зоонимом языкотворческих функций.

Выбор образа СОРОКИ был отнюдь не случайным. Наши предки черпали свое вдохновение в природе и ими было тонко подмечено, как заботливо она относится к своему потомству, к обустройству гнезда, которое выглядит чистым и опрятным. Эти характеристики подтверждены многими современными этнографами (С. Лебедев, Д. Константинов и др.). Тщательная забота птицы о своем гнезде и потомстве позволила фольклору создать ее образ как домовитой, заботливой хозяйки.

Яркое оперенье и характерное поведение птицы не могло не оставить отпечатка в народной литературе. Номинативное значение существительного сорока в русском языке – «птица семейства вороновых, с белыми перьями в крыльях, издающая характерный крик – стрекотание» [1, с. 203]. Ареал распространения этого вида птиц очень широк и каждый народ относится к ней по-разному. Если у европейцев к сороке весьма негативное отношение, то в Китае она является символом счастья. Среди славянских народов чаще бытовало довольно положительное мнение об этой представительнице семейства пернатых, несмотря на ее вороватый характер – могла утащить цыпленка или блестящую вещь. Например, исследователь М. Панькив утверждает, что «о сороке говорят, что нельзя ее яйца собирать, ибо тогда лицо станет рябое и сорока цыплят в отместку станет таскать. Прилет сороки на крестьянскую усадьбу был желанным. Считалось, что, если она сидит где-то во дворе, значит будут гости. Полагали, что эти птицы разносят вести на длинных хвостах и передают их стрекотом» [2, с. 85]. В. И. Даль фиксирует следующие поверья и приметы: «Сорока в конюшне спасает от домового; Сорока под стреху лезет – ко выюге; Сорока скачет на дому больного – к выздоровлению» [3, с. 274]. Считается, что крик сороки предвещает гостей. Об этом говорится в пословицах: *Сорока без причины не стрекочет;*

Сорока гостей накликала; Сорока даром не щечочет; Сорока сокочет, гостей пророчит; Не было сороки, а гости у порога! [4, с. 858–859].

Номинация *сорока* является прецедентной. Описываемая лексема получила распространение как в устном народном творчестве, особенно в малых жанрах, паремиях, так и в авторских произведениях. Нам представляется интересным рассмотреть явление прецедентности вышеупомянутой номинации в нескольких ракурсах. Во-первых, частотность употребления лексемы СОРОКА с точки зрения ее внешнего вида и броского окраса, во-вторых, основываясь на издаваемых ею специфических, резких звуков. Все указанные характеристики СОРОКИ используются для создания языковой игры.

В. Санников среди функций языковой игры выделяет функцию «языкотворческую»: «Языковая игра, – констатирует В. Санников, – один из путей обогащения языка. Имеется много явлений, которые можно квалифицировать как игру, переставшую быть игрой. Ср. «формульные выражения» – сравнения (злой, как собака), метафоры (свежий ветер, железная воля), генитивные конструкции (реки крови), сочинительные конструкции (золото, а не человек) и т. д., которые стали уже общеязыковыми. Долго не осознавалось (и не полностью осознается до сих пор), что языковая игра, может быть, бессознательно, преследует не только сиюминутные интересы (заинтриговать, заставить слушать); она призвана выполнять и другую цель – развивать мышление и язык. Полностью освоено мышлением то, что освоено языком. Мысль, для которой язык нашел краткое и четкое выражение, становится достоянием народа и народного мышления, и это мышление может подниматься на следующую, высшую ступень. Язык закрепляет достижения мышления» [5, с. 49]. В связи с этим рассмотрим прецедентность номинации *сорока* и вышеупомянутые языкотворческие функции данного зооморфизма более подробно.

Наиболее частотная ассоциация на слово-стимул *сорока* у носителей не только русского языка, но и среди других славянских народов – адъектив *белобока* [6, с. 613]. Именно благодаря внешнему виду в народнопоэтической речи эту птицу называют *сорока-белобока*: *Не живет сорока без белого бока* [4, с. 858]; *Сорока-белобока: зеленый хвост, долгий нос* [3, с. 111]. Паремии в русском языке, относящиеся к внешнему виду сороки, весьма противоречивы. С одной стороны, *И сорока в одно перо не родится; Сорока не ворона: в одно перо не родится*. Однако: *Не сорока, перо в перо не уродится; Пестра сорока, белобока, а все одна в одну; Только сорока перо в перо родится* [4, с. 858–859]. У В. И. Даля: «*Сорока-белобока, на пороге скакала, гостей поджидала, кашу варила, деток кормила*» [3, с. 274]. А. С. Пушкин посвящает ей одно из своих поэтических произведений, где также употребляет вышеназванный адъектив: «*Стрекотунья белобока, Под калиткою моей Скачет пестрая сорока И пророчит мне гостей*» [7, с. 587].

Что касается особенностей звуков, издаваемых птицей и их частотности, то с этой точки зрения словари устойчивых сравнений русского языка фиксируют фразеологизм *как сорока*. Основаниями для сравнения обычно являются глаголы *стрекотать*, *трещать*, *болтать* или адъектив *болтливый(ая)*. Устойчивое сравнение *трещать (стрекотать) как сорока* фиксируется как просторечное, ироничное, употребляемое преимущественно к женщине [8, с. 638; 9, с. 408], хотя В. М. Мокиенко в приводимом толковании утверждает, что выражение *трещать (стрекотать) как сорока* используется исключительно, когда речь идет о женщине: «о быстро, часто и непрерывно говорящей, тараторящей, болтающей (обычно мешая этим окружающим) женщине», а сравнение *как сорока* используется пренебрежительно «об очень болтливой, быстро и бойко говорящей женщине, тараторке» [9, с. 408].

В русском языке существует достаточно большое количество паремий с компонентом сорока, где акцент делается именно на «болтливости» птицы и особенности издаваемых ею звуков: *Всякая сорока от своего языка погибает (погибнет, гинет); Сорока сама рассказывает, где гнездо свила; Сорока скажет вороне, ворона – борову, а боров – всему городу; Знать сороку по язычку; Кабы на сороку не свой язычок (век бы по воле летала); Сороку взять – щекотлива, ворону взять – картавита, взять ли сову госпожу?* [4, с. 858-859]. Сплетни, болтливый и болтушка это – ассоциаты слова сорока в Русском ассоциативном словаре [6, с. 613].

В качестве болтливого зооморфизма сорока появляется и в потешке «Сорока-белобока»:

– Сорока, сорока
– Где была?
– Далёко!
Печку топила,
Кашу варила [10, с. 18].

Устойчивым сравнением с аналогичным значением, зафиксированным словарями, является *заладить (себе) как сорока Якова (одно про всякого)*. Выражение просторечное, ироничное, в современном русском языке является устаревшим – «о постоянно и надоедливо повторяющем что-либо человеку» [9, с. 407]. Эта фраза нашла своё употребление в поговорках: *Затвердила сорока Якова, да и зовет им всякого; Твердит что сорока Якова, одно про всякого* [4, с. 859]. В. И. Даль упоминает глагол в значении «чесать язычок, резко болтать пустяки»: *Сорочи не сорочи, а без рубля быть* [3, с. 275]. В детском фольклорном сборнике под названием «Болтали две сороки» подборка сказок, песенок и потешек открывается одноименным стихотворением:

Болтали две сороки,
Сороки-белобоки.
Про то, про се, про Якова,
Про Якова, про всякого,
Про дым из трубы,
Про забор у избы.
Про Шавку на пороге,
И про лужу на дороге, –
Делать-то им нечего,
Болтали день до вечера! [10, с. 5].

У писателя А. Н. Радищева в его произведении «Путешествие из Петербурга в Москву» он также прибегает к фольклору и упоминает вышеназванное устойчивое выражение для обозначения качества усвоения полученных знаний: «Познания ваши тем основательнее, что вы их приобрели не твердя, как-то говорят по пословице, как сорока Якова».

Интересно проследить, что и в других языках данный зооморфизм имеет подобную коннотацию. Латинский вариант сороки *picca* также приобрело оттенок, обозначающий болтливую женщину. Образным названием человека, говорящего слишком много бессмыслицы, стали слова, обозначающие сороку во многих европейских языках: англ. *magpie*, итал. *gazza*, рум. *tarcă*, нем. *Elster*, исп. *urraca*. В большинстве романо-германских языков существуют выражения со значением «трещать как сорока (о болтовне)»: во французском: *jacasser comme une pie, il a un vin de pie* (он – пьяный – болтлив, как сорока); в английском: *chatter like a magpie*, немецком: *wie eine Elster schwatzen*, а также испанском *hablar mas que una urraca* значения этих фразеологизмов тождественны: говорить больше,

чем сорока. В славянских, например, в сербском языке есть выражение *брбѣати као сврака*, в польском – *raplac (trajkotac) jak sroka*, что в переводе: трещать как сорока, а чехи говорят: *klevetit ako straka* – клеветать как сорока. У немцев есть выражение: *etwas der Elster auf den Schwanz binden*, что буквально значит привязать сороке к хвосту, а точнее пустить сплетню. Как видно из приведённых примеров, данная представительница фауны общепризнанно является символом разговорчивого, болтливового человека.

Что касается весьма подвижного поведения этой птицы, то этим и мотивированы устойчивые сравнения *вертеться (крутиться), как сорока на колу (на суку)* и *ерзать как сорока* – просторечные, шуточные или пренебрежительные выражения со значением «о беспокойно и суетливо ерзающем, не сидящем на месте человеке» [8, с. 638–639; 9, с. 407]. Паремии также основаны на наблюдениях за подвижным поведением сорок, их обычае держаться вместе, стаями: *Как одна сорока хвост задерет, то за нею и все; Одна сорока с плоту, а десять на плот; Сорока с тыну, а десять на тын; Дружные сороки и гуся съедят; Дружные сороки и гуся утацат* [4, с. 858–859].

Нам интересна и ещё одна особенность поведения сорок – это их любопытство и равнодушие к блестящим вещам, которые они стремятся спрятать в гнезде. Поэтому птица получила прозвище сорока-воровка. Следует отметить, что реакция «воровка» на стимул «сорока» стоит на первом месте по данным Русского ассоциативного словаря [6, с. 613]. Воробовость птицы обусловила появление устойчивого сравнения *красть (воровать, тянуть, тащить) как сорока*. Представленная коннотация является просторечной, неодобрительной «о чьем-либо частом (и обычно мелком) воровстве, вороватости» [9, с. 408]. Орнитоним сорока является также эталоном любопытства: *любопытный как сорока*, значение просторечное, ироническое «о назойливо и дерзко любопытном человеке» [9, с. 408]. Упоминается это и в паремии: *Охоча сорока до находки* [4, с. 858]. У Максима Горького «В людях» находим: «Он, как сорока, любит воровать и прятать мелкие блестящие вещи».

Итак, в целом орнитоним сорока имеет неоднозначную, разнообразную коннотацию. В качестве зооморфизма он характеризует болтливового, вороватого человека. Русские пословицы и устойчивые сравнения фиксируют также пеструю окраску, любопытство, подвижность птицы, их обычай держаться дружными стаями, в детском фольклоре сорока – заботливая мать, стремящаяся накормить своих деток. Часть поверий, связанных с сорокой в русской культуре, нейтральна или даже положительно окрашена. Таким образом, значимость и прецедентность зоонима СОРОКА в русской языковой ментальности имеет глубокие корни, а сама номинация является для носителей русского языка важной и необходимой в коммуникации и категоризации мира.

Литература:

1. Словарь русского языка: В 4 т. Т. 4. Под ред. А. П. Евгеньевой. – М., 1988. – С. 203.
2. Паньків М. Покуття. Садиба і житло Покуття. Наукові записки Івано-Франківського краєзнавчого музею / М. Паньків. – Івано-Франківськ, 1993. Вип. 1. – С. 85.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. Т. 4. – М., 1991. – С. 274.
4. Мокиенко В. М. Большой словарь русских пословиц / Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. – М., 2010. – С. 858–859.
5. Попов С. Л. Языковая игра в свете концепций Й. Хёйзинги и Л. Витгенштейна (на материале русского языка) / С. Л. Попов. – Одеський лінгвістичний вісник. № 10. Т. 2., 2017. – С. 47–49.
6. Русский ассоциативный словарь под ред. Ю. Н. Караулова. Т. 1. – М., 2002. – С. 613.
7. Пушкин А. С. Собр. соч. в 10т. Т.1. – М., 1962. – С. 587.

8. Огольцев В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический) / В. М. Огольцев. – М., 2001. – С. 638.
9. Мокиенко В. М. Словарь сравнений русского языка / В. М. Мокиенко. – СПб, 2003. – С. 408.
10. Болтали две сороки. Русские народные сказки, песенки, потешки. – ДЕГГИЗ, 2012. – 128 с.

Статья посвящена анализу зоонима СОРОКА в паремийных и других фольклорных жанрах, а также явления прецедентности вышеназванного терминослова в литературных произведениях. Рассмотрены основные качества и черты поведения орнитонима, которые выполняют языкотворческую функцию, ложатся в основу языковых игр. Исследовано сходство коннотаций в других славянских и европейских языках. Доказано, что зооним СОРОКА играет значимую роль в фольклорных и литературных произведениях.

Ключевые слова: паремийные тексты, поговорка, поверья и приметы, коннотация, языковая игра, прецедентность.

The article is devoted to the analysis of the zoonim MAGPIE in paroemian and other folklore genres, as well as the phenomenon of the precedence in literary works. The main qualities and features of this ornithonym behavior, which perform a linguistic function, are considered the basis of language games. The similarity of connotations in other Slavic and European languages was studied. It is proved that zoonim SOROKA plays an important role in folklore and literary works.

Key words: paroemian texts, proverb, beliefs and signs, connotation, language game, precedence.

Т. М. СУКАЛЕНКО, О. О. ПОЗДНЯКОВА

Національний університет державної фіскальної служби України

СТРУКТУРА МОВНОЇ ОСОБИСТОСТІ В СУЧАСНІЙ АНТРОПОЦЕНТРИЧНІЙ ПАРАДИГМІ

У статті проаналізовано поняття «мовна особистість», розглянуто підходи до визначення статусу мовної особистості (психолінгвістичний, соціолінгвістичний, лінгводидактичний, лінгвокультурологічний), розкрито складники мовної особистості та визначено структуру мовної особистості в сучасній антропоцентричній парадигмі.

Ключові слова: антропоцентризм, мовна особистість, статус мовної особистості, структура мовної особистості.

У процесі формування антропоцентричної парадигми в сучасній лінгвістиці, коли акцент лінгвістичних досліджень перемістився з вивчення мовних фактів самих по собі на безпосереднього суб'єкта мовних процесів, іншими словами носія мови з його потребами, бажаннями й намірами, у науковому обігу закріпилося поняття «мовної особистості». Це поняття останнім часом набуло категоріального статусу і ознак термінопозначення, а його широке вживання засвідчує антропологічний ракурс досліджень.

Мета наукової розвідки: проаналізувати поняття «мовна особистість», розглянути підходи до визначення статусу мовної особистості, розкрити її складники, визначити структуру мовної особистості в сучасній антропоцентричній парадигмі.

Нині є чимало підходів щодо розуміння і визначення антропоцентричності мови. Один із них – лінгвокультурологічний, який вивчає мову як феномен культури, коли мова виступає виразником особливої національної ментальності, що відображає діяльно-поведінкову домінують того чи того народу [2, с. 19]. Це зумовлено тим, що мова, за словами М. Хайдеггера, простір думки і «дім духу», тобто складної когнітивної діяльності людини.

Наукова парадигма антропоцентричності є загально визнаною для багатьох мовних аспектів у лінгвістичних дослідженнях. І. М. Колегаєва вважає, що однією з особливостей художньої комунікації є те, що в літературно-художньому тексті об'єктом виступає не